

О трех этапах модернизации родового общества алтайцев

Н. А. Тадина*

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия

Аннотация. На основе собранных сведений показаны черты интеграции алтайцев в российское общество на протяжении досоветского, советского и постсоветского этапов модернизации, приведшей к различной степени ассимиляции локальных групп алтайцев в русскоязычной среде. Актуальность вопроса заключена в изучении процесса, объясняющего соблюдение или забвение родовых обычаев и происходящие изменения этнического сознания. Освещены этностереотипы локальных групп алтайцев, свидетельствующие о значимости региональной идентичности в многосоставном принципе её формирования. Отмечено, что у южных алтайцев родовая идентичность, являющаяся основой этнической идентичности, будет сохраняться до тех пор, пока остаётся необходимость в соблюдении родовых обычаев взаимопомощи, авункулата и экзогамии.

Ключевые слова: алтайцы, сёок (род), родовые обычаи, этапы модернизации, ассимиляция, этностереотип группы, локальная идентичность.

Для цитирования: Тадина Н. А. О трех этапах модернизации родового общества алтайцев // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 28. С. 88–97. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.28.88>

On the Three Modernization Stages of the Altai Clan Society

N. A. Tadina*

Gorno-Altai State University, Gorno-Altaysk, Russian Federation

Abstract. Based on the collected information, the indicative features of the Altai people integration into Russian society during the pre-Soviet, Soviet and post-Soviet stages of modernization, which led to varying degrees of assimilation of local groups of Altai people in the Russian-speaking environment, are highlighted. The applied method of ethnographic observation made it possible to assert that in the ethnic culture of Russians in Gornyi Altai (Mountainous Altai) and the Altai ethnic-marking features are preserved in everyday life and ceremonial culture. The difference between the cultures of the Altai people, who formed the Central Asian ethno-cultural community, and the Russians, representatives of the agricultural Orthodox civilization, is outlined. It is concluded that in the pre-Soviet period, which became the first stage in the modernization of the traditional Altai society, the Russian administration sought to abolish the clan structure and change the clan consciousness of the Altai people. Soviet modernization, however, relied on another ethno-differentiating feature and the main identification marker – on the Altai language, and went by changing the language consciousness of the Altai people. The relevance of the issue lies in the study of the modernization process, which largely explains the observance or oblivion of tribal customs and the ongoing changes in ethnic consciousness. Having been the first to experience the influence of assimilation, the northern groups of Altai lost their tribal customs and appeared before the southern Altai as marginalized. Attention is drawn to the fact that in the transition from a traditional society to a modernized society at the beginning of the last century there was formed an ethno-consolidating movement among the Altai Kizhi in the Ongudai and Ust-Kanskii districts, officially called Burkhanism, which became the first response to Russian influence in the development of ethnic processes. There is also highlighted the formation of "the su Altai" image which denotes the "true" Altai people, the established ethnic stereotypes of local groups, which testify to the importance of regional identity in the multi-component principle of its formation. It is noted that among the Altai people, the clan identity, which is the basis of ethnic identity, will remain as long as there remains a need to observe the clan customs of mutual assistance, avunculate and exogamy.

Keywords: Altai people, soyok (clan), tribal customs, stages of modernization, assimilation, Burkhanism, group ethno-stereotype, local identity.

For citation: Tadina N. A. On the Three Modernization Stages of the Altai Clan Society. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2019, Vol. 28, pp. 88–97. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.28.88> (in Russ.)

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
For complete information about the authors, see the last page of the article.

Введение

Статья посвящена проблеме модернизации традиционного общества алтайцев – тюркоязычного народа Южной Сибири, расселённого в пределах Алтайских гор, а точнее, северной части, называемой Горным Алтаем. На юге Горный Алтай переходит в Монгольский Алтай, на севере – степной Алтай, на востоке – Саяны и Кузнецкий Алатау,

на западе – казахстанские степи. Каждый регион Алтая входит в отдельную административную единицу, а именно: степной Алтай – Алтайский край с центром в г. Барнауле, Горный Алтай – Республика Алтай с центром в г. Горно-Алтайске.

Алтайцы, титульный этнос Республики Алтай (далее – РА), составляют треть населения региона. В этнический состав входят южные алтайцы, живущие в горах и состоящие из двух этнотерриториальных групп – алтай-кижи и теленгитов, и северные алтайцы предгорья – тубалары, кумандинцы и челканцы. Несмотря на политические веяния этнического возрождения постсоветского периода – считать ли группы северных алтайцев отдельными «этносомами», – под понятием «алтайцы» имеются в виду южные алтайцы, говорящие на родном языке и соблюдающие обычаи, и часть северных, в основном старшее поколение, сохранившее этническое самосознание в русскоязычной среде.

Основную часть населения степной и горной части Алтая представляют русские – потомки переселенцев, первые из которых начали осваивать этот край около трёх веков назад. Русские Горного Алтая как этническое большинство расселены преимущественно на севере региона, в предгорной части, и в горах – в крупных посёлках и сёлах по Чуйскому тракту. Осознают себя неотъемлемой частью русского этноса, потомками в разное время переселившихся сюда из степного Алтая и Сибири.

Как известно, у этнического меньшинства возникает чувство ограниченности бытия, но именно под влиянием иноэтнической среды происходит осознание себя с общим этнонимом, системой мировоззрения и социальной организацией, неповторимым обликом и менталитетом. Не существует одинаковых этносов, хотя коренные народы одного историко-этнографического региона, каким является Алтай, в чём-то похожи друг на друга и в то же время своеобразны.

В современных условиях глобализации и трансформационных изменений российского общества актуальной становится проблема жизнеспособности выработанных веками ценностей, обычаев и традиций. Новизна данного исследования состоит в выявлении этапов модернизации родового общества алтайцев, приобретшего новое значение в постсоветский период.

Основные этапы модернизации родового общества алтайцев

На основе собранных сведений и архивных материалов по изучаемой теме освещаются показательные черты интеграции алтайцев в российское общество на протяжении досоветского, советского и постсоветского этапов модернизации, что привело к разной степени ассимиляции локальных групп алтайцев в русскоязычной среде. Этот процесс во многом объясняет соблюдение или забвение родовых обычаев и происходящие изменения этнического сознания.

Применяемый метод этнографических наблюдений позволил утверждать, что в этнической культуре русских Горного Алтая и алтайцев практически полностью сохраняются этномаркирующие особенности в бытовой и обрядовой культуре. Такую сохранность можно объяснить несхожестью культур этих народов. До вхождения в состав Российского государства, алтайцы как этнос сформировались в составе центральноазиатской этнокультурной общности, а после присоединения к России стали проживать среди русских, другого народа по происхождению, с земледельческой культурой, православной веры. Включение алтайцев в состав Российского государства в середине XVIII в. повлекло модернизацию их традиционного общества, привнесённую русской культурой. Обычно в этом влиянии принято видеть «западный прогресс», приведший к «передовому развитию региона» в результате «перехода алтайцев на оседлый образ жизни». Другая сторона последствий интеграции алтайцев в российское общество остаётся недостаточно освещённой.

По логике развития модернизации происходит усиление языковой ассимиляции, что ведёт к усвоению этнически нейтральных ценностей и стандартов поведения. Такие отступления стали проявляться у северных алтайцев – тубаларов, челканцев, кумандинцев, первыми подвергшихся влиянию культуры русских переселенцев. Этому способствовало географическое положение региона проживания: южные алтайцы – в малодоступных

горах, а северные – в предгорье, благоприятном для земледелия и огородничества, где закрепились русские переселенцы. Отход от традиционной культуры означал переориентировку на иной образ жизни: православный по вероисповеданию и русский по этническому содержанию.

Иностранческая политика, проводимая российской администрацией, заключалась не только в христианизации, комплексе социальных и культурных практик, но и попытке ликвидации родовой структуры алтайцев путём упразднения наследственного правления родовых глав-зайсанов, а затем введения волостей с избранными старостами. Испытав первыми наиболее сильно модернизацию, северные алтайцы, у которых исчезло родовое управление и соблюдение родовых обычаев, в своём южном этническом окружении предстали как маргиналы, названные *туба* (ср.: этноним *туба, тубалар*). Затем этот стереотип распространился на крещёных и обрусевших алтайцев из смешанных русско-алтайских сёл [Тадина, 2008, с. 183].

Практика существования по чужому этническому образцу сопровождалась внедрением нетрадиционных форм культуры, что вело к утрате этнических традиций и возникновению чувства неполноценности и социального отчуждения. В сознании старожилов ещё со времён первых переселенцев глубоко укоренилось чувство некоего культурно-цивилизационного превосходства. Во второй половине XIX в. В. В. Радлов отметил: «А русские в пограничных деревнях никак не хотят видеть в крещёных алтайцах людей, равных себе, и смеются над ними, когда те требуют, чтобы к ним относились как к русским» [Радлов, 1989, с. 182]. Переняв новый образ жизни, алтайцы вскоре познакомились с его изнанкой – нищетой, пьянством, воровством, социальной деградацией, преступностью. А. В. Анохин в начале XX в. писал в своих архивных тетрадах: «Алтайцы в своей массе от русской культуры нравственно развращаются. Это неоспоримый факт, который все исследователи Алтая всегда проходят молчанием» [МАЭ, ф. 11, оп. 1, № 81, л. 11].

В условиях перехода от традиционного общества к модернизированному в среде алтайцев долин рек Кан, Чарыш, Урсул, Каракол (Усть-Канский и Онгудайский районы РА) сложилось этноконсолидирующее движение, официально названное «бурханизмом». В начале прошлого века родовые лидеры были обеспокоены проблемами сохранения алтайского этноса, видя результаты модернизации северных алтайцев. Бурханизм стал первым ответом на русское влияние в развитии этнических процессов, что привело к формированию этностереотипа *су алтай*, обозначающего образ «истинных» алтайцев, менее всего подвергнутых русскому влиянию и сохранивших родовую структуру. Бурханизм призывал к противостоянию новому укладу жизни, олицетворяемому русской культурой и православной церковью, а не к борьбе против русского народа как носителя этого. В то время ещё не было тесного общения между двумя культурами и не каждый коренной житель мог свободно владеть русским языком [Тадина, 2005, с. 42].

Если период с середины XVIII в. по начало XX в. можно определить как первый этап модернизации традиционного общества алтайцев в составе царской России, то советский период стал её вторым этапом. В досоветский период российская администрация пыталась отменить родовую структуру и изменить родовое сознание алтайцев. Советская модернизация же сделала ставку на другой этнодифференцирующий признак и главный идентификационный маркер – на алтайский язык, и шла путём изменения языкового сознания алтайцев.

В 1920–1930-х гг., после образования колхозов, советская власть открывала «дома алтайки», «красные юрты», «красные уголки» как центры распространения нейтральных черт быта в жизнь алтайцев. Ими был перенят более «совершенный» образ жизни, заключающийся в ношении европейской одежды, употреблении продуктов огородничества, переходе на стандартные жилища. При домах находились хозяйственные постройки для скота, а если позволял климат, то огороды и сады. Описанные нововведения в жизни алтайцев свидетельствуют о том, что соседство с русскими наложило заметный отпечаток на быт. Общесоветские стандарты на уровне массового сознания воспринимались с этнической окраской как присущие русской культуре.

Доминантная культура воспринимается представителями этнических меньшинств как более престижная, ведь русский язык доминирует во всех сферах жизни. В 1958 г. была введена реформа школы, к которой остаётся неоднозначное отношение. Старшее поколение помнит о том, что в 1960-х гг. в школах алтайских сёл преподавание предметов в начальных классах велось на алтайском языке. После реформы повсеместно преподавание было официально переведено с национального языка на русский, кроме алтайского языка и литературы. В смешанных сёлах билингвизм алтайцев стал заменяться русскоязычием [Тадина, Ябыштаев, 2013, с. 25]. Незнание русского языка алтайцами становилось поводом для насмешек и издёвок. Тот, кто говорил на нём с акцентом, приравнивался к «необразованным и отсталым». В начале 1970-х гг. местное руководство предлагало расформировать единственную национальную школу в г. Горно-Алтайске, о которой сегодня говорят как о «кузнице» кадров для региона.

Как позволяло утверждать собранные полевые материалы, несмотря на почти трех-вековое проживание по соседству с алтайцами, большинство русских далеки от понимания родового общества алтайцев и не вникают в суть родовых отношений, объясняя отсутствием таковой необходимости для себя. В народной памяти сохраняются воспоминания о русских, свободно говоривших на алтайском языке вследствие того, что длительное время, особенно в годы войны и послевоенные годы, жили в алтайских сёлах. До сих пор есть такие русские люди и в каждом районе их наберётся около десяти. Считается, что русские, выросшие среди алтайцев и оттого свободно говорящие на алтайском языке, с пониманием относятся к алтайцам, что свидетельствует об очередном проявлении этнической ментальности.

В массовом сознании закрепилось представление о смешанных браках как одном из путей ассимиляции алтайцев. Такие браки широко не распространены, что является свидетельством сохранившегося сообщества алтайцев. Отдельно стоит проблема идентификации потомков смешанных браков, которая решается под влиянием этнического окружения: выросшие в алтайских сёлах свободно говорят на алтайском языке, а из смешанных сёл в большинстве случаев относят себя к русским.

Стереотип русского этноса как «носителя социального прогресса» окончательно сложился в советское время. В глазах алтайцев советская власть означала превосходство русского народа как государствообразующего этноса. Обычно русские люди имели редкие специальности инженера, конструктора, летчика, врача, учителя и пр. Все достижения индустриальной страны считались успехом советского народа, а значит, русского. В силу этого в советский период отшлифовался ответный стереотип, утвердившийся в сознании не только русских, но и алтайцев, – некая убежденность в невысоких деловых качествах и низком культурном уровне алтайцев, как и других сибирских народов.

В таких условиях социалистического общежития каждый стремился жить «как все» и не быть изгоем. Неслучайно этническая идентификация алтайцев базировалась не на положительных ценностях, а на отрицательных переживаниях своей «отсталой» традиционной культуры. Официальным запретам сопутствовало внутреннее отталкивание от так называемых пережитков, к ним относились родовая принадлежность, обычаи и традиции, национальная одежда и жилище. В относительно недавнее время порицался переход в общении с русского языка на родной. Характерной чертой поведения стало то, что в присутствии хотя бы одного русскоязычного «неприлично говорить на своём языке», дескать, «могут говорить непристойности о нём, а он вашего языка не понимает». Данный ментальный концепт прочно укоренился в сознании алтайцев, сохранивших стереотип «этнической второсортности».

Постсоветский период, ставший 3-м этапом модернизации традиционного общества алтайцев, отмечен этническим возрождением сибирских народов. У русских сложилось осторожное отношение к этническому подъёму алтайцев. Единственный город – Горно-Алтайск – стал столицей постсоветской Республики Алтай. Он находится в северной части региона с преобладающим русским населением на территории расселения северных алтайцев. Численность городского населения составляет около 64 тысяч человек [Количество жителей Горно-Алтайска ...] за счёт внутренней миграции преимущественно алтайцев.

Основной целью переселения является обучение детей в городских школах, национальной гимназии и лицее, колледжах и техникумах, Горно-Алтайском государственном университете. Как правило, дом в селе сохраняется за родителями, ведущими домашнее хозяйство. В городе во дворе частного дома южные алтайцы устанавливают *айыл* (традиционное деревянное жилище), как в алтайских сёлах. Айыл стал знаком того, что здесь проживает алтайская семья. Те алтайцы, которые не ставят айыл во дворе своего дома, обычно являются обрусевшими или ориентированными на ассимиляцию.

В городе и крупных сёлах, особенно в райцентрах, обычно звучит русский язык. Алтайцы, живущие в русско-алтайских сёлах, чаще не владеют родным языком, либо понимают, но не говорят, либо общаются на разговорном уровне. По факту проживания в смешанных сёлах они считаются обрусевшими (*орусьп калган*), а также прозваны *туба* или *тубасып калган*, в смысле «стал туба – маргиналом». Следует отметить, что среди обрусевших алтайцев встречаются «пассивно ассимилированные», стремящиеся овладеть родным языком, сохранить этническую принадлежность, погрузиться в алтайскую среду, заключив брак с владеющими алтайским языком. И наоборот, среди истинных алтайцев в алтайских сёлах поддерживают мнение об отсталости культуры алтайцев, обычно это потомки учителей, врачей и других образованных людей, продвигавших советскую модернизацию. Их отличает критическое отношение к распространению алтайских имён, они не ставят айыл в своём дворе, склонны к нарушению обычая родовой экзогамии, заключению этнически смешанных браков, в основном общаются на русском языке.

Наблюдаемый спад престижа алтайского языка можно объяснить объективным процессом распространения русского языка как государственного в сфере обучения, сервиса, посредством интернета, мультфильмов, видео и пр. Другая сторона проблемы заключается в субъективном выборе русского языка как ресурса социального продвижения и адаптации в современном русскоязычном обществе. Для обрусевших алтайцев характерно не двуязычие, а русскоязычный монолингвизм: русский язык становится родным. В результате обрусевший как «неправильный» из алтайцев испытывает чувство промежуточного состояния, находясь между двумя этносами, не принимающими его. Русскими – как человека другого этнического происхождения, иной внешности, хотя и говорящего лишь по-русски. Алтайцами – как человека, не говорящего на родном языке, поэтому не отвечающего основным этническим маркерам, каковыми являются владение родным языком (диалектом) и соблюдение обычая.

Процесс модернизации традиционного общества неизбежно приводит к этнической и языковой ассимиляции части алтайцев, особенно северных локальных групп, и тех, кто из крупных смешанных сёл и города. Эта тенденция была предвидена народом после первых результатов перевода алтайцев на оседлый образ жизни с последующей христианизацией и интеграцией в российское общество. Новое поколение модернизированного общества было названо *кал үйе*, что можно перевести как «дерзкое» поколение, не владеющее или недостаточно хорошо владеющее родным языком и плохо знающее народные обычаи. Одна из его характеристик:

Кайа көрүшпес кал үйе болор,

Тил билшпес жон болор.

Лаандарын јаан деп тообос,

Јаштарын јаш деп кичеешпес [Алтай кеп-куучындар ... , 1994, с. 339; Бедюров, 2007, с. 316].

Не оборачивающееся (в смысле не интересующееся, что после него останется) *дерзкое поколение будет,*

Не понимающий (свой) язык народ будет.

Старших (по возрасту) не будут почитать (уважать),

*Молодых как младших не будет оберегать*¹.

¹ Здесь перевод выполнен автором статьи.

Предвестником прихода «дерзкого» поколения считается нарушение обычая почитания старших по возрасту и степени родства [Тадина, 2011, с. 137]. К старшим относятся не только те, кто старше по возрасту, но и родственники матери, к ним, даже к малолетним, следует обращаться на «вы». В современном обществе, развивающемся в условиях глобализации, обращение на «вы» выражает дистанцию в общении с незнакомым, со старшим по должности и званию. Напротив, в обращении на «ты» подчёркивается взаимопонимание и близость отношений, но, несмотря на влияние современной жизни, такое обращение к родителям и старшим «не выговаривается» на алтайском языке, а если эта модель общения используется в семье, то тогда воспринимается как результат обрусения.

Другой предвестник прихода «дерзкого» поколения – в игнорировании норм экзогамного брака. По родовому принципу люди одного сёока или родственных сёоков, даже незнакомые и проживающие в разных районах, считаются сородичами. Брак, заключённый между представителями одного сёока, не только приравнивается к инцесту, но и осложняет соблюдение отношений свойства. Поясняю: дети наследуют сёок отца, парень не может взять в жёны девушку из своего сёока, которая ему, его отцу, его братьям и сёстрам приходится сестрой, ведь она из их рода. А если брак состоится, что нарушит обычай экзогамии, то брачующиеся стороны становятся сватами, в том числе отцы молодых и их родственники, относящиеся к одному сёоку, между которыми сватовские отношения становятся отступлением, аномалией родства по браку.

При заключении брака важен вопрос о родовой принадлежности молодых, для чего необходимо осветить состояние региональной этнической идентичности алтайцев. В основе родства у алтайцев лежит родовое начало в силу того, что каждый относит себя к определённому сёоку (*сёок*), передающемуся от отца. Сёок буквально означает «кость» и, являясь патрилинейным и экзогамным подразделением этноса, соответствует понятию «род».

При проведении Всероссийской переписи в 2010 г. было отмечено, что «именно принадлежность к сёоку является наиболее важной и очевидной формой идентичности», поэтому была направлена просьба в Правительство России о проведении родовой переписи [Степанов, Гюхтенева, Функ, 2011]. Впервые она была проведена С. П. Швецовым в 1897 г., по его сведению, у алтайцев насчитывалось 68 сёоков [1900, с. 91–93]. По собранным автором статьи сведениям насчитывается около 30 сёоков: наиболее распространёнными и многочисленными сёоками являются *кыпчак*, *тёёлёс*, *майман*, *тодош*, *иркит*, имеющие 2 и более подразделений, остальные малочисленные [Тадина, 1995, с. 24].

Собранный полевой материал по родовому составу южных и северных алтайцев говорит об их генетическом родстве, что предписывает соблюдение норм экзогамии. По результатам исследования Л. П. Потапова, сёоки *жарык* и *чагат* тубаларов и сёок *шакшылыг* челканцев произошли на основе сёока *тёёлёс* южных алтайцев [1987, с. 60]. Н. А. Сатлаев прослеживает этническую связь кумандинцев и южноалтайского сёока *кыпчак* [1992, с. 42–48]. Понятие «родовая территория» означает территорию формирования сёока и проживания большинства его представителей, что сохраняется до сих пор. Сёок *тёёлёс* (*тёёлёс*), многочисленный и распространённый в Республике Алтай, сформировался в Улаганском районе РА, а именно в окрестности Телецкого озера, получившего русское название по сёоку *тёёлёс*. Родственный ему сёок *кёбёк* (*кёбёк*), многочисленный в Кош-Агачском районе РА, вошёл в родовой состав теленгитов р. Чуи. В названии группы по речной долине заключена информация о её этнокультурной особенности [Тадина, Ябыштаев, 2016, с. 109]. Говоря о чулышманцах, имеют в виду теленгитов долины р. Чулышман Улаганского района РА, крещённых в XIX в. и говорящих на родном диалекте. Среди улаганских теленгитов есть двоеверцы, отмечающие православные праздники и придерживающиеся традиционных верований. В постсоветский период здесь возродились православные церкви. Во время совершения обрядов алтайской свадьбы стали разжигать огонь очага, утративший ритуальное значение в быту улаганских теленгитов.

Издавна алтайцы жили по логам (*ёзёк*), а не в сёлах, основанных русскими переселенцами. В логу поселялись три-четыре близкородственных семьи. Эта традиционная

форма проживания была обоснована тем, что семья у алтайцев имела многочисленный скот и жила там, где были лучшие условия для него. В результате политики насильственной оседлости, проводимой российской администрацией, и политики коллективизации, осуществлённой советской властью, алтайцы стали жить в деревнях. Поселения в логах исчезли, но представление об общности локальных групп сохраняется. Несколько населённых логов, где есть деревни и сёла, составляют более крупную территориальную единицу в речной долине. В этническом сознании сложилось название группы по месту локализации, т. е. по названию речной долины, например, *Урсул ичинын* – алтайлары (алтайцы долины р. Урсул) Онгудайского района РА.

До сих пор место проживания определяют по реке, а именно по речной долине, где находятся сёла. Алтай-кижи расселены в сёлах бассейна рек Чарыша, Песчаной, Катуня, а их локальные группы названы по рекам и их притокам. Автором статьи перечисляются лишь некоторые группы: «каракольские», «урсульские», «яламанские» алтайцы Онгудайского района РА, «кан-ябаганские» и «чарышские» Усть-Канского района РА, «абайские» и «оймонские» Усть-Коксинского района РА, «чергинские» и «бешичинские» Шебалинского района РА. Теленгиты Кош-Агачского района РА включают «чуйскую» и «архытскую», а Улаганского района РА – «чулышманскую» и «башкаусскую» группы.

Живущие в одной речной долине осознают себя единой группой (*бир жердин* – улусы), представленной двумя-тремя брачующимися сёоками. У каждой группы родовой состав, в который входят распространённые сёоки и редко встречающиеся, например, в Кан-Ябаганской долине Усть-Канского района РА сёоки *тан*’ды, *ара*; Кош-Агачском районе РА – сёоки *сагал*, *моол*; Улаганском районе РА – сёоки *жабак*, *жетитас*; по среднему течению Катуня в Чемальском районе РА – сёоки *каал*, *жарык*, *чарга*, *жус*, *комдош*. Большое число сёоков в составе этнотерриториальных групп обеспечивает вариативность, что способствует сохранению устойчивости экзогамии.

Устоялось представление о том, между какими сёоками складываются крепкие семьи, а между какими, наоборот, нет семейной жизни. О брачном «обмене» начала прошлого века писала Н. П. Дыренкова: «Обязательных родов для женитьбы нет, хотя, обычно, придерживаются определенных сёок’ов» [1926, с. 253]. По собранным автором этой статьи сведениям, на родовых территориях сложились пары сватовских сёоков, причем многочисленных и характерных для данного региона. К числу брачующихся пар сёоков можно отнести: *тодош* и *иркит*, *иркит* и *кыпчак* долин рек Песчаной и Чарыш (Шебалинского и Усть-Канского районов РА). Сватовскими сёоками считаются *кыпчак* и *тёёлёс* долины р. Урсул, *майман* и *тодош* долины р. Каракол Онгудайского района РА, *сойон* – и *майман* долины р. Оймон Усть-Коксинского района РА.

Для данного уровня региональной идентификации наиболее показательным является осознание себя единой группой со своим составом сёоков, расселённой в одной речной долине. Поэтому обычно называют не только сёок, но и место проживания, к примеру «кыпчак долины р. Песчаной» (*Беш ичинын* – *кыпчагы*) Шебалинского района РА. Порою по названию села можно предположить сёок сельчанина, так как в каждом алтайском селе преобладают определённые сёоки, что в некоторой степени способствует соблюдению экзогамии брака. Приведём пример одного явления, встречающегося в селах Каспа и Апшуйкта Шебалинского района РА. Здесь фамилия сельчанина образована от названия его сёока: Мундусов – сёока *мундус*, Кергилов – сёока *кергил*, Тёлёсов – сёока *тёёлёс* и др. [Ирkitова, 2018, с. 121]. Территориальную группу алтайцев объединяют не только родство и сватовские отношения, но и общность говора, поведенческих стереотипов, обрядовой специфики. На этой основе выработался её обобщённый образ: какие сёоки преобладают, какого облика и нрава, на каком наречии говорят и пр.

Согласно сложившимся этностереотипам алтай-кижи Онгудайского и Усть-Канского районов РА, считается, что онгудайцам важны идеологические вопросы, проблемы морали и нравственности, качество воспитания подрастающего поколения по традиционным канонам. Большинство писателей, докторов и кандидатов наук вышло из Онгудайского района РА. Бытует мнение, что онгудайцы по складу мышления в основном гуманитарного

направления, а усть-канцы – коммерческого, так как среди них больше юристов, экономистов, чиновников. Алтайцы говорят о немаловажном факте формирования регионального стереотипа: в Усть-Канском районе РА невесты дорогие – приходится сватать в 60–70 домах. Это определение образное: в наши дни увеличивается количество родственников в списке, составленном родителями невесты, что становится финансово сложно стороне жениха.

Среди алтай-кижи встречаются случаи, свидетельствующие об утрате этнокультурной общности, произошедшей в результате ассимиляции и аккультурации. В советский период произошло обрусение алтайского села Тюдрала Усть-Канского района РА после его вхождения в состав колхоза соседних сёл Талицы и Коргона, где в основном живут староверы. Подобная ситуация сложилась в другом алтайском селе Ороктой, бывшем в составе Онгудайского района до 1960-х гг., затем вошедшем в Шибалинский район, позже – Чемальский район РА с преимущественно русским населением. Алтайцы последнего района, прозванные *Кадын ичинын* алтайлары (алтайцы низовья р. Катунь), относятся к сёокам *комдош, мундус, майман, тёлёс, чарга, кёжжэ, жарык, јус* и имеют этностереотип обрусевших.

Используемый метод этнографического наблюдения позволяет прийти к выводу о том, что установленные границы административных районов не отвечают этническому делению алтайцев. Например, алтай-кижи долины р. Песчаной (Шибалинский район РА) в этническом и этнокультурном отношении ближе к алтай-кижи соседнего Усть-Канского района РА. Другой пример: алтай-кижи с. Сугаш Усть-Коксинского района РА, где в основном живут староверы, ближе к алтай-кижи соседней долины р. Чарыш (Усть-Канский район РА). Среди критериев этнокультурной общности – язык, родовой состав, брачные связи и сватовские отношения сёоков.

Заключение

Одним из основных результатов досоветского, советского и постсоветского этапов модернизации родового общества алтайцев явилось сложение этностереотипов локальных групп, в чём прослеживается многосоставной принцип формирования – группа, живущая в речной долине, входящей в состав административного района. В досоветский период, ставший первым этапом модернизации традиционного общества алтайцев, российская администрация стремилась отменить родовую структуру и изменить родовое сознание алтайцев. Советская модернизация же сделала ставку на другой этнодифференцирующий признак и главный идентификационный маркер – на алтайский язык – и шла путём изменения языкового сознания алтайцев. Сохраняемые этномаркирующие особенности в этнической культуре русских Горного Алтая и алтайцев объясняются многовековым формированием алтайцев в составе центральноазиатской этнокультурной общности, а русских – происхождением в земледельческой православной цивилизации.

Актуальность вопроса заключается в изучении процесса модернизации, во многом объясняющего соблюдение или забвение родовых обычаев и происходящие изменения этнического сознания. Испытав первыми влияние ассимиляции, северные группы алтайцев утратили родовые обычаи и предстали перед южными алтайцами как маргиналы. Важен тот факт, что в условиях перехода от традиционного общества к модернизированному в начале прошлого века в среде алтай-кижи Онгудайского и Усть-Канского районов РА сложилось этноконсолидирующее движение, официально названное бурханизмом, ставшее первым ответом на русское влияние в развитии этнических процессов. В таких условиях складывался образ *су алтай*, обозначающий «истинных» алтайцев в рамках этностереотипов локальных групп. У южных алтайцев родовая идентичность является основой этнической идентичности. По данным полевого материала, идентификация по сёоку сохраняется до тех пор, пока остаётся необходимость в соблюдении родовых обычаев взаимопомощи, авункулата и экзогамии.

Источники

- Анохин А. В. На пути из Бийска на Чемал. 18 июля 1922 г. // Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. № 81. Л. 11.
Количество жителей Горно-Алтайска, численность населения [Электронный ресурс] // Города России. URL: http://xn----7sbiew6aadnema7p.xn--p1ai/sity_id.php?id=270 (дата обращения: 11.06.2019).

Список литературы

- Алтай кеп-куучындар / сост. Е. Е. Ямаева, И. Б. Шинжин. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. Вып. 2. 415 с. (на алтайс. яз.)
- Бедюров Б. Я. Алтын сумер. Горно-Алтайск: Алтай телекей, 2007. 587 с. (на алтайс. яз.)
- Дыренкова Н. А. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. Вып. 1. С. 247–259.
- Ирkitова А. А. О культурно-историческом наследии села Каспа // Значение природного и культурного наследия в современном обществе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2018. С. 121–123.
- Потапов Л. П. Алтайские телёсы в этническом отношении // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 53–71.
- Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Сатлаев Н. А. Из этнической истории северных алтайцев // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность. Кемерово, 1992. С. 42–55.
- Степанов В. В., Тюхтенева С. П., Функ Д. А. «Этническая идентичность» и «национальная принадлежность» // Этнологический мониторинг переписи населения. М., 2011. С. 326–350.
- Тадина Н. А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск: Горно-Алт. респ. кн. изд-во, 1995. 215 с.
- Тадина Н. А. Этническая консолидация и преемственность поколений в осмыслении бурханизма // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 38–44.
- Тадина Н. А. Алтайцы: между «севером» и «югом» (к проблеме внутриэтнического общения) // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. 2008. № 4/2 (60). С. 178–184.
- Тадина Н. А. Бурханизм и этикет у алтайцев // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 127–140.
- Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С. «Тюрки по языку, финно-угры по облику»: об этнокультурном дискурсе северных алтайцев в Республике Алтай // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 1 (130). С. 23–27.
- Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С. Теленгитские памятники этнокультурному ренессансу // Вестник ТГУ. 2016. № 5. С. 109–113.
- Швецов С. П. Горный Алтай и его население. Барнаул, 1900. Т. 1. Кочевники Бийского уезда. Вып. 1. 561 с.

References

- Bedyurov B. Ya. *Altyn sumer*. Gorno-Altaiisk, Altai telekei Publ., 2007, 587 p. (In Altai)
- Dyrenkova N. A. Rod, klassifikatsionnaya sistema rodstva i brachnyye normy u altaitsev i teleut [Gender, classification system of kinship and marriage norms in Altaians and Teleut]. *Materialy po svadbe i semeinorodovomu stroyu narodov SSSR [Materials on the wedding and family structure of the peoples of the USSR]*. Leningrad, 1926, Is. 1, pp. 247–259. (In Russ.)
- Irkutova A. A. O kulturno-istoricheskom nasledii sela Kaspа [About the cultural and historical heritage of the village Kaspа]. *Znachenie prirodnogo i kulturnogo naslediya v sovremennom obschestve. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [The importance of natural and cultural heritage in modern society. Materials of the all-Russian scientific and practical conference]*. Gorno-Altaiisk, 2018, pp. 121–123. (In Russ.)
- Potapov L. P. Altaiskie telesy v etnicheskom otnoshenii [Altai teles ethnically]. *Problemy proiskhozhdeniya i etnicheskoi istorii tyurkskikh narodov Sibiri [Problems of origin and ethnic history of the Turkic peoples of Siberia]*. Tomsk, 1987, pp. 53–71. (In Russ.)
- Radlov V. V. *Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika [From Siberia. Pages of the diary]*. Moscow, Nauka Publ., 1989, 749 p. (In Russ.)
- Satlaev N. A. Iz etnicheskoi istorii severnykh altaitsev [From the ethnic history of the Northern Altaians]. *Etnicheskie i etnokulturnyye protsessy u narodov Sibiri: istoriya i sovremennost [Ethnic and ethno-cultural processes among the peoples of Siberia: history and modernity]*. Kemerovo, 1992, pp. 42–55. (In Russ.)
- Stepanov V. V., Tyukhteneva S. P., Funk D. A. “Etnicheskaya identichnost” i “natsionalnaya prinadlezhnost” [“Ethnic identity” and “national identity”]. *Etnologicheskii monitoring perepisi naseleniya [Ethnological monitoring of the population census]*. Moscow, 2011, pp. 326–350. (In Russ.)
- Tadina N. A. *Altaiskaya svadebnaya obryadnost (XIX–XX vv.) [Altai wedding ceremony (XIX–XX centuries)]*. Gorno-Altaiisk, Gorno-Altay Republican book publishing house, 1995, 215 p. (In Russ.)
- Tadina N. A. Etnicheskaya konsolidatsiya i preemstvennost pokolenii v osmyslenii burkhanizma [Ethnic consolidation and continuity of generations in understanding burkhanism]. *Etnograficheskoe obozrenie [The Ethnographic Review]*. 2005, Is. 4, pp. 38–44. (In Russ.)
- Tadina N. A. Altaitsy: mezhdru “severom” i “yugom” (k probleme vnutrietnicheskogo obscheniya) [Altaians: between the “North” and the “South” (on the problem of intra-ethnic communication)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoriya” [Izvestiya of the Altai State University Journal. Series “History”]*. 2008, Is. 4/2 (60), pp. 178–184. (In Russ.)
- Tadina N. A. Burkhanizm i etiket u altaitsev [Burkhanism and etiquette among the Altaians]. *Etnograficheskoe obozrenie [The Ethnographic Review]*. 2011, Is. 6, pp. 127–140. (In Russ.)
- Tadina N. A., Yabyshtayev T. S. “Tyurki po yazyku, finno-ugry po obliku”: ob etnokulturnom diskurse severnykh altaitsev v Respublike Altai [“Turks by language, Finno-Ugric by appearance”: on the ethno-cultural discourse of the Northern Altaians in the Altai Republic]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Obshchestvennyye i humanitarnyye nauki [Proceedings of Petrozavodsk State University. Social and Human Sciences Series]*. 2013, Is. 1 (130), pp. 23–27. (In Russ.)
- Tadina N. A., Yabyshtayev T. S. Telengitskie pamyatniki etnokulturnomu renessansu [Telengit monuments to the ethnocultural Renaissance]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2016, Is. 5, pp. 109–113. (In Russ.)

Shvetsov S. P. *Gornyi Altai i ego naselenie [Mountain Altai and its population]*. Barnaul, 1900, Vol. I. Kochevniki Biiskogo uezda [Nomads of the Biysk County], Is. 1, 561 p. (In Russ.)

Yamaeva E. E., Shinzhin I. B. (eds.). *Altai kep-kuuchyндar*. Gorno-Altaiisk, Ak Chechek Publ., 1994, Is. 2, 415 p. (In Altai)

Сведения об авторах

Тадина Надежда Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и археологии, Горно-Алтайский государственный университет, Россия, 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1
e-mail: ntadina@yandex.ru

Information about the authors

Tadina Nadezhda Alekseevna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and Archaeology, Gorno-Altaiisk State University; 1, Lenkin st., Gorno-Altaiisk, 649000, Russian Federation
e-mail: ntadina@yandex.ru